2 февраля 1873 году, бриг-шхуна "Пилигрим" находился 43° 57’ южной широты и 165° 19’ западной долготы от Гринвичского меридиана.

Это объект из четырехсот бочонков, вооруженное в Сан-Франциско для великого промысла южных морей, принадлежало Джеймсу Уэлдону, богатому судовладельцу из Калифорнии, который в течение нескольких лет поручал командование им капитану Халлу.

"Пилигрим" был одним из самых маленьких, но одним из лучших кораблей этой флотилии, которую Джеймс Уэлдон каждый сезон отправлял как через пролив Беринг, так и в северные моря, а также через Тасманию или мыс Горн в антарктический океан. Он шел превосходно. Его такелаж, очень маневренный, позволял ему с небольшим количеством людей рисковать, видя непроходимые льдины южного полушария. Капитан Халл умел « обходиться », как говорят матросы, среди тех льдов, которые летом дрейфуют поперек Новой Зеландии или мыса Доброй Надежды, под широтой, гораздо меньшей, чем та, которой они достигают в северных морях земного шара. Правда, это были всего лишь низкорослые айсберги, уже изношенные ударами, изъеденные теплыми водами, и большая часть которых растает в

Тихом или Атлантическом океане.

Под командованием капитана Халла, хорошего моряка, а также одного из самых искусных гарпунеров флотилии, находился экипаж, состоящий из пяти матросов и одного послушника. Мало было такой персонал для этого китового промысла, требующего довольно многочисленного персонала. Нужны люди, как для маневрирования штурмовых кораблей, так и для разделки пойманных животных. Но, по примеру некоторых судовладельцев, Джеймс Уэлдон считал гораздо более экономичным отправляться в Сан-Франциско, малое количество матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии не было недостатка в гарпунерах, моряках всех национальностей, дезертирах или других, которые стремились сотрудничать и заниматься рыбацким ремеслом. По окончании срока им платили, высаживали на берег, и они ждали, когда китобои на следующий год примут их вновь на ту самую работу. При таком способе было лучше использовать имеющихся моряков, а большую пользу извлекать из их сотрудничества.

Так действовали на борту "Пилигрима".

Бриг-шхуна только что совершил свой сезон на границе полярного круга. Но у него не было полной бочки с маслом,сырых усатых и срезанных усатых . Уже в это время рыбалка становилась трудной. Китообразные, охотившиеся до избытка, попадались редко. Откровенный кит, носивший в Бореальном океане имя «Норд-Капер», а в южных морях- «Сульфер-Болтон», как правило, исчезал. Рыбакам пришлось отказаться от "фин-бэк ", гигантского млекопитающего, атаки которого были опасными.

Так поступал капитан Халл во время этой кампании, но в следующем своем путешествии он рассчитывал подняться выше по широте и, если понадобится, добраться до тех земель Клари и Аделии, открытие которых, оспариваемое американцем Уилксом, определенно принадлежит прославленному командиру астролябии и ревностному французу Дюмону д'Урвилю.

В общем, сезон не был удачным для "Пилигрима". В начале января, то есть примерно в середине южного лета, и хотя время возвращения для китобоев еще не наступило, капитан Халл был вынужден отказаться от промысловых мест. Его экипаж подкрепления «искал

причины», как говорится, и ему пришлось подумать о том, чтобы отделаться от них.

Поэтому "Пилигрим" взял курс на северо-запад, на земли Новой Зеландии, о которых он узнал 15 января. Он прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный на дне залива Чураки, на восточном побережье Северного острова, и высадил рыбаков, нанятых на сезон.

Экипаж был недоволен. На погрузке "Пилигрима" не хватало не менее двухсот бочек масла. Никогда еще мы не занимались более плохой рыбалкой. Так что капитан Халл возвращался с неодобрением заслуженного охотника, который в первый раз возвращается с убытком, – или примерно так. Цели он ставил себе самые высокие, поэтому он не прощал этих мерзавцев, чье неподчинение поставило под угрозу результаты его кампании.

Тщетно пытались набрать в Окленде новый рыбацкий экипаж. Все доступные моряки были погружены на другие китобойные суда. Поэтому пришлось отказаться от решения отделаться от них, и капитан Халл намеревался навсегда покинуть Окленд, когда ему поступила просьба о проезде, на которую он не мог не дать согласие.

Миссис Уэлдон, жена судовладельца "Пилигрима", его младший пятилетний сын Джек и еще один, которого называли двоюродным братом Бенедиктом, находились тогда в Окленде. Джеймс У. Уэлдон, которому время от времени приходилось посещать Новую Зеландию, привез их всех троих туда и намеревался доставить в Сан-Франциско.

Но к тому времени, когда вся семья собралась уходить, маленький Джек довольно тяжело заболел, и его отец вынужден был покинуть Окленд, оставив там жену, сына и кузена Бенедикта.

Прошло три месяца, - три долгих месяца разлуки, которые были чрезвычайно тягостны для миссис Уэлдона. Однако ее маленький ребенок выздоровел, и она уже в праве была уйти, когда ей сообщили о прибытии "Пилигрима".

Так вот, в это время, чтобы вернуться в Сан-Франциско, миссис Уэлдону необходимо было отправиться в Австралию на поиски одного из корпусов трансокеанской компании «Золотой век», который выполняет службу от Мельбурна до Панамского перешейка через Папеити. Затем, оказавшись в Панаме, она должна была дождаться отправления американского парохода, установившего регулярное сообщение между перешейком и Калифорнией. Отсюда задержки, перевалки, всегда неприятные для женщины и ребенка. Именно в это время в Окленд приехал "Пилигрим". Она не колебалась и попросила капитана Халла взять ее на борт, чтобы отвезти в Сан-Франциско, ее сына, кузена Бенедикта и Нэн, старую негритянку, прислуживавшую ей с детства.Три тысячи морских миль на парусном корабле! Но объект капитана Халла было таким крепким, и сезон был таким красивым по обе стороны экватора! Капитан Халл согласился и тут же.

Миссис Уэлдон была, впрочем, отважной женщиной, которую море не пугало. Тридцатилетняя к тому времени, крепкого здоровья, привыкшая к дальним путешествиям, делившая с мужем утопления от нескольких переправ, она не боялась. Она знала капитана Халла как отличного моряка, которому Джеймс Уэлдон полностью доверял. "Пилигрим" был солидным, крепким объектом, хорошо ценившимся в американской китобойной флотилии. Представилась возможность?! Надо было этим воспользоваться!!! Миссис Уэлдон воспользовалась этим.

Кузена Бенедикта, – само собой разумеется, - должны был сопровождать его тоже.

Этот кузен был смельчаком, лет пятидесяти или около того. Но, несмотря на его возраст, не было право отпускать его одного.

"Кузен Бенедикт" – так его неизменно называли даже вне семьи, и, по правде говоря, он был из тех хороших людей, которые кажутся родовитыми кузенами всех, – кузен Бенедикт, всегда стеснявшийся своих длинных рук и длинных ног, был абсолютно не в состоянии самостоятельно решать дела, даже в самых обычных жизненных ситуациях. Он не был смущен. Нет! Но скорее неловко за других и неловко за себя. Легкий, к тому же, приспособившийся ко всему, забывший пить или есть, если ему не приносили еды или питья, нечувствительный к холоду и теплу, он, казалось, больше принадлежал к животному царству, чем к растительному. Пусть это будет бесполезное дерево, без плодов и почти без листьев, не способное ни прокормить, ни укрыть, но обладающее добрым сердцем.

Таков был кузен Бенедикт. Он безотказно оказал бы людям любую помощь, если бы,он смог бы оказать такую услугу!

В конце концов, его любили за его мягкий характер. Миссис Уэлдон смотрела на него, как на своего ребенка. Как старшего брата своего маленького Джека.

Здесь следует добавить, что кузен Бенедикт, однако, не был ни бездельником, ни незанятым. Он был, наоборот, трудягой. Его единственная страсть- "Естественная история" поглощала его целиком..

"Естественная история" - это целая наука.

Известно, что различными частями, из которых состоит эта наука, являются зоология, ботаника, минералогия и геология.

Так вот, кузен Бенедикт ни в какой степени не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он таким образом зоологом в полном смысле этого слова, чем-то вроде Кювье Нового Света, разложившего животное путем анализа или перекомпоновывая его синтезом, одним из тех глубоких знатоков, разбирающихся в изучении четырех типов, к которым современная наука относит всю животность, позвоночных, моллюсков, сочлененных и излучаемых ? Из этих четырех отделов наивный, но прилежный ученый наблюдал за различными классами и выискивал отличающие их порядки, семьи, племена, роды, виды, сорта ?

Нет!

Занимался ли кузен Бенедикт изучением позвоночных животных, млекопитающих, птиц, рептилий и рыб ?

Были ли моллюски, начиная с головоногих моллюсков и кончая брюзойными, его предпочтением?

Нет!

Значит, это были лучезарные, иглокожие, акалефы, полипы, энтозоары, губчатые и инфузории, на которых он так долго сжигал масло своей рабочей лампы?

Надо признать, что это были не лучистые.

Однако, поскольку в зоологии не осталось упоминания о разделении артикуляций, само собой разумеется, что именно на этом разделении действовала единственная страсть кузена Бенедикта.

Да и еще стоит ли уточнять!

Разветвление сочлененных насчитывает шесть классов: насекомые, мириаподы, паукообразные, ракообразные, цирроподы, кольнелиды.

Так вот, кузен Бенедикт, с научной точки зрения, не смог бы отличить дождевого червя от лекарственной пиявки, окуня от морской желуди, домашнего паука от фальшивого скорпиона, креветки от Ранини, Юла от сколопендры.

Но тогда каким был кузен Бенедикт?

Простой энтомолог, не более того.

Энтомология - это та часть естествознания, которая включает в себя все артикулированные. Это правда, в общем-то, установился обычай придавать этому слову лишь более ограниченный смысл. Поэтому он применяется только к собственно изучению насекомых, то есть всех артикулированных животных, чье тело, состоящее из колец, расположенных впритык, образует три отдельных сегмента, которые обладают тремя парами ног, что и дало им название "гексаподы".

Так вот, поскольку кузен Бенедикт ограничивался изучением артикулов этого класса, он был всего лишь простым энтомологом.

В этом классе насекомых насчитывается не менее десяти типов: ортоптеры, невроптеры, гименоптеры, чешуекрылые, гемиптеры, жуки, двукрылые, рипиптеры, паразиты и тисануры. Так вот, в некоторых из этих видов, например, признавали тридцать тысяч видов и шестьдесят тысяч в двуколках.

Таким образом, жизнь кузена Бенедикта целиком и полностью была посвящена энтомологии.

Этой науке он отдавал все свои часы, - все без исключения, даже часы сна, так как ему неизменно снились «гексаподы». То, что он носил булавками, воткнутыми в рукава и воротник его сюртука, в нижнюю часть его шляпы и обшивку его жилета, нельзя было сосчитать. Когда кузен Бенедикт возвращался с какой-то ученой прогулки, его драгоценный головной убор, в частности, был не более чем шкатулкой естественной истории, внутренне и внешне ощетинившейся пронзительными насекомыми.

И теперь понятно, что именно из энтомологической страсти он сопровождал миссис Уэлдона в Новую Зеландию. Там его коллекция пополнилась несколькими редкими предметами, и можно понять, что ему не терпится вернуться и разложить их по шкафчикам своего кабинета в Сан-Франциско.

Так что, поскольку Мисс Уэлдон с ребенком возвращалась в Америку на "Пилигриме", не более естественно, что кузен Бенедикт сопровождал их во время этого путешествия.

Но дело было не в нем, а в миссис Уэлдон, он должен был помогать, если она когда-нибудь

попадет в какую-нибудь критическую ситуацию. К счастью, это было всего лишь легкое путешествие в хорошую погоду и на борту объекта, капитан которого дал полное согласие.

Во время трехдневного отпуска "Пилигрима" в Вайтемате, миссис Уэлдон готовилась к этому в большой спешке, так как не хотела откладывать отъезд Брик-шхуны. Туземные слуги, прислуживавшие ей в Оклендском жилище, были уволены, и 22 января она отправилась на борт "Пилигрима", взяв с собой только своего сына Джека, кузена Бенедикта, и Нэн, свою старую няню-негритянку.

Кузен Бенедикт взял в специальном ящике всю свою коллекцию насекомых. В этой коллекции были, среди прочего, некоторые образцы этих новых стафилинов, видов хищных жуков, чьи глаза расположены над головой, и которые до сих пор казались характерными для Новой Каледонии. Ему хорошо рекомендовали некоего ядовитого паука, «катипо» маори, укус которого часто бывает смертельным для туземцев. Но паук не принадлежит к порядку собственно насекомых, он имеет свое место в ордене паукообразных, и, как следствие, был бесценен в глазах кузена Бенедикта. Кроме того, он презирал ее, и самым красивым драгоценным камнем в его коллекции был замечательный новозеландский стафилин.

Само собой разумеется, что кузен Бенедикт, заплатив солидную премию, обеспечил себе свой груз, который казался ему куда более ценным, чем весь груз масла и усатых, уложенных в трюме "Пилигрима".

На момент регистрации, когда миссис Уэлдон и его попутчики оказались на палубе бриг-шхуны, капитан Халл подошел к своей пассажирке.

- Разумеется, Мисс Уэлдон,-сказал он ей, - что если вы возьмете на борт "Пилигрима", то это под вашу собственную ответственность.

- Почему вы делаете мне такое замечание, мистер Халл ?- спросила миссис Уэлдон.

– Потому что я не получал никаких распоряжений от вашего мужа на этот счет, и, взяв с собой вас,я не могу гарантировать вам успешного плавания на корабле, специально предназначенном для пассажирских перевозок.

- Если бы мой муж был здесь, - ответила миссис Уэлдон,- как вы думаете, мистер Халл, не решился ли бы он отправиться на "Пилигрим" вместе с женой и ребенком ?

- Нет, Мисс Уэлдон, он бы не колебался, - сказал капитан Халл, - нет, конечно ! Я бы и сам не колебаюсь ! В конце концов, "Пилигрим"- хороший корабль, хотя он провел неудачную рыбацкую кампанию в этом сезоне. Я говорю об этом, мисс Уэлдон, чтобы предупредить вас, что вы не найдете на борту того комфорта, к которому привыкли.

- Поскольку это только вопрос комфорта, мистер Халл, - ответила миссис Уэлдон,- то мне безразлично. Я не из тех суетливых пассажиров, которые беспрестанно жалуются на тесноту кают или на недостаточность стола.

Потом, миссис Уэлдон, посмотрев на несколько мгновений на своего маленького Джека, руку которого она держала, сказала : "Уходим, мистер Халл!"

Было отдано приказание немедленно отплыть, паруса сориентировались, и "Пилигрим", маневрируя так, чтобы спустить на самый короткий курс, взял курс на американский берег.

Но через три дня после старта "Пилигрим" из-за сильных восточных ветров, был вынужден взять левый борт амурца, чтобы подняться по ветру.

Поэтому ко 2 февраля капитан Халл оказался на более высокой широте, чем ему хотелось бы, и в положении моряка, который скорее стремился бы обогнуть мыс Горн, чем сплотить кратчайшим путем новый материк.

http://tl.rulate.ru/book/36497/793010